

Мифопоэтика пространственно-временного континуума в сказках Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке

Марина Юрьевна ЕЛЕПОВА, Наталия Григорьевна КАБАНОВА ✉

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова»
163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17

✉ nataliakabanova30@gmail.com

Аннотация. Оригинальные сказки Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке насыщены глубоким философским содержанием, которое находит выражение в интертекстуальных аллюзиях, трансформации мифологических образов и формул. Особое место в авторском дискурсе занимает пространственно-временной континуум, который можно определить как непрерывную совокупность категорий, воплощающих топологическую экспликацию сказочного мира через мифопоэтическую образность, религиозный подтекст, множественную аллюзионность. Темпоральность в качестве текстовой категории становится осью художественного времени, придающей всему пространственно-временному континууму произведения признаки перцепции. Темпоральность сказочного цикла обуславливается переключением от бытовой конкретики к масштабу безграничного универсума. Эффект остановившегося времени возникает в момент такого переключения. Вне времени герои оказываются и в стихии обуревающей их фантазии. Пространство имеет черты импрессионистичности, каждое мгновение в жизни сказочных героев открывает новый облик внешнего мира. Небесные светила в духе древнего сказочного эпоса приближены к земле и овеществлены. Астральные категории в образах луны, звезд, неба раскрывают связь с космическим пространством. Населяющие волшебное пространство леса антропоморфные персонажи, сохраняя архетипические черты, обретают в сказках особые свойства, далеко выходящие за рамки фольклорных стереотипов. Это не имеющие границ воображение и фантазия, способность созерцания прекрасного, восхождения мысли к вечным философским проблемам. Ёжик как главный герой и носитель этих качеств часто даёт оценку конечности – бесконечности времени, цикличности его, неизменной смены смертей и рождений. Он, как и другие персонажи, преодолевает реальное пространство и время с помощью воображения. Поэтика мифа, архетипическая образность, художественные компоненты волшебного-фантастических сказок, трансформированные в авторском дискурсе Сергея Козлова, позволяют писателю через пространственно-временной континуум проникнуть в сокровенный мир детской души и поставить перед взрослым читателем важнейшие онтологические и гносеологические проблемы существования человека и божественного промысла в мире.

Ключевые слова: С. Козлов, отечественная проза второй половины XX века, сказка, мифопоэтика, пространственно-временной континуум, темпоральность, архетипическая образность, антропоморфные персонажи

Для цитирования: Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г. Мифопоэтика пространственно-временного континуума в сказках Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 512-521. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-512-521>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Mythopoetics of the space-time continuum in Sergei Kozlov's tales of the Hedgehog and the Bear

Marina Y. ELEPOVA, Natalia G. KABANOVA ✉

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk 163002, Russian Federation

✉ nataliakabanova30@gmail.com

Abstract. The original tales of Sergei Kozlov about the Hedgehog and the Bear are full of deep philosophical content, which finds expression in intertextual allusions, the transformation of mythological images and formulas. A special place in the author's discourse is occupied by the space-time continuum, which can be defined as a continuous set of categories that embody the topological explication of the fairy world through mythopoetic imagery, religious subtext, and multiple allusions. Temporality as a text category becomes the axis of artistic time, imparting signs of perception to the entire space-time continuum of the work. The temporality of the fairytale cycle is determined by the switch from everyday specifics to the scale of an unlimited universe. The stopped time effect occurs at the moment of such switch. Out of time, the characters find themselves in the element of fantasy overwhelming them. The space has the features of impressionism, every moment in the life of fairytale heroes reveals a new look of the vernal world. The heavenly bodies in the spirit of the ancient fairy-tale epic are close to the earth and reified. Astral categories in the images of the moon, stars, sky reveal a connection with outer space. Anthropomorphic characters inhabiting the magical space of the forest, while retaining their archetypal features, acquire special properties in fairy tales that go far beyond the framework of folklore stereotypes. This is imagination and fantasy that have no boundaries, the ability to contemplate the beautiful, the ascent of thought to eternal philosophical problems. The Hedgehog, as the protagonist and the bearer of these qualities, often evaluates finiteness – the infinity of time, its cyclical nature, the constant change of death and birth. He, like other characters, overcomes real space and time with the help of imagination. The poetics of myth, archetypal imagery, artistic components of magical-fantastic tales, transformed in the author's discourse of Sergei Kozlov, allow the writer to penetrate the innermost world of the child's soul through the space-time continuum and present the most important ontological and epistemological problems of human existence and divine providence in the world to the adult reader.

Keywords: S. Kozlov, Russian prose of the second half of the 20th century, tale, mythopoetics, space-time continuum, temporality, archetypal imagery, anthropomorphic characters

For citation: Elepova M.Y., Kabanova N.G. Mifopoetika prostranstvenno-vremennogo kontinuumu v skazkakh Sergeya Kozlova o Ezhike i Medvezhonke [Mythopoetics of the space-time continuum in Sergei Kozlov's tales of the Hedgehog and the Bear]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 512-521. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-512-521> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Сказки Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке, написанные в период с 1967 по 1985 г., – одни из самых оригинальных и многозначных произведений отечественной литературы в жанре литературной сказки. В указанном выше цикле сказок автор запечатлевает динамику семантических вариаций бытия мира и человека в нём в рамках ска-

зочного топологического континуума, предполагающего и эмпирическое, и эстетическое, и религиозно-философское прочтение. Пространственно-временные особенности авторского сказочного дискурса в созвучии с различными жизненными, культурными, психологическими и философскими факторами можно рассматривать как способ синте-

зирования литературного материала, обуславливающего взаимопроникновение культурных и литературных кодов и авторского идиостиля, который отражает и стиль эпохи, и особую смысловую полисемию и художественную многогранность сказок.

Цель исследования – выявление и описание мифопоэтики пространственно-временного топологического континуума в сказке Сергея Козлова про Ёжика и Медвежонка.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач, отражающих взаимосвязанные этапы исследования: обоснование мифопоэтичности сказочного пространственно-временного континуума в сказке Сергея Козлова про Ёжика и Медвежонка; установление способов художественной реализации сказочного времени и пространства в сказках Сергея Козлова про Ёжика и Медвежонка; анализ темпоральной сетки сказок о Ёжике и Медвежонке, выражающей содержание художественного концепта «время».

Некоторые аспекты творчества С.Г. Козлова исследовались в современном литературоведении и смежных гуманитарных науках. Так, А.В. Тихомирова в диссертации «Нарративная стратегия современной философской сказки» (2011) акцентирует внимание на особенностях проблематики, зооморфных персонажах и нравственном подтексте сказок этого автора. О.Н. Халуторных в своей диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук «Волшебная литературная сказка как феномен культуры» (1998) проводит социально-философский анализ образной системы сказок Козлова в числе прочих произведений разных авторов. Литературовед Л.Р. Бердышева рассматривает сказки С. Козлова в контексте творчества других писателей XX века в книге «Русские детские писатели XX века» (1997). Е. Красикова в книге «Мир без троллей и колдунов» (1981) исследует уникальный художественный стиль автора. Пространственно-временной континуум в исследованиях творчества Козлова до сего времени не рассматривался в науке о литературе.

Объектом настоящего исследования становятся пространственно-временные отношения в сказочной модели мира сказок Сергея Козлова про Ёжика и Медвежонка, эксплицированные на мифопоэтическом уровне.

В качестве основного метода исследования был использован семантический метод, представленный работами А.Ф. Лосева, Ю.И. Минералова, И.Г. Минераловой, А.А. Поттебни, П.Н. Сакулина, Л.И. Тимофеева, а также метод целостного анализа литературного произведения. Кроме того, были применены приёмы компонентного и сопоставительного анализа, метод текстологического анализа первоисточников и текстовой реконструкции, историко-генетический метод, позволяющий выявить характерные для авторского дискурса «потенциальные тексты», связанные с мифопоэтическим мировосприятием.

В качестве гипотезы исследования следует выдвинуть следующее предположение: литературная сказка воплощает заданную реальность через мифопоэтическую сказочную модель мира, представляющую собой континуум, репрезентирующий сказочное пространство и время в качестве невербального кода коммуникации.

Ф.И. Буслаев, сторонник мифологической школы развития сказочных текстов, так определяет соотношение сказки и мифа: «Как обломок доисторической старины, сказка содержит в себе древнейшие мифы... В отношении сравнительного изучения индоевропейских народностей она предлагает материал для исследования того, как каждый из родственных народов усвоил себе общее мифологическое достояние» [1, с. 116]. М.К. Азадовский выявляет два вида литературных сказок в зависимости от их соотношения с фольклорным началом: «Литературная сказка – это авторское, художественное, прозаическое или поэтическое произведение, в основе которого находится либо фольклорный источник, либо оригинальное видение мира» [2, с. 13]. Сказки Сергея Козлова при всём их художественном своеобразии генетически связаны с мифологической первоосновой.

Термин «мифопоэтика» принадлежит англо-американской школе мифологической критики и рассматривался в качестве «обозначения всех жанров художественного творчества, тематически или структурно связанных с тем или другим древним мифом» [3, с. 31]. Мифопоэтика представляет собой совокупность способов художественного ос-

воения мифа в авторских дискурсах, принадлежащих разному временному периоду. Причём литературоведы разграничивают понятия «собственно мифа» и «литературного мифа». «Литературный миф как традиция – это запас устойчивых форм, актуальных и обеспечивающих единство культурного пространства» [3, с. 178]. Литературный миф, таким образом, стремится принять черты универсального образа, многократно повторяясь и варьируясь в новых контекстах, при этом сохраняя своё семантическое ядро. Предметом нашего исследования также будет являться именно литературный миф, отражённый в сказках Сергея Козлова как дыхание вечного, архитипического. Литературный миф, представляющий собой авторский дискурс, интерпретирует мифологические образы и характеры, наполняя произведения скрытыми мифопоэтическими смыслами, в этом соотносясь с «собственно мифом». Хотя литературная эволюция иногда заменяет одни мифологические мотивы на другие, но при этом сохраняет изначальные бытийные космологические основания, поскольку мифологическое начало является надтекстовой феноменальной категорией, выделяемой в произведении имплицитными или эксплицитными способами. Важен интерес к вечным прообразам мифа, которые заключают в себе общезначимые номинанты, являющиеся концентрированными источниками накопленного человеческого опыта. Следовательно, обращение к мифу символизирует стремление упорядочить действительность через определение ценностных знаменателей, представленных в мифах и реализуемых через литературный миф.

Понятие континуума, вошедшее в филологическую науку из физических и математических теорий Древней Греции (Архимед, Демокрит, Левкипп, Лукреций и др.), в силу своей философской направленности «объединяет проблемы прерывности пространства, времени и самого движения» [4]. Со времён античности понятие континуума истолковывается онтологически и соотносится с космологией. Континуум в литературе представляет собой повествовательный приём, позволяющий читателю определить связь и обусловленность событий и эпизодов в художественном тексте. Таким образом, простран-

ственно-временной континуум сказок Козлова можно определить как непрерывную совокупность категорий, воплощающих топологическую экспликацию сказочного мира через мифопоэтическую образность, религиозный подтекст, множественную аллюзионность. При этом пространство и время сказок переплетаются с предшествующими сказочными фольклорными и авторскими текстами, культурными и литературными компонентами.

Темпоральность в качестве текстовой категории становится осью художественного времени, придающей всему пространственно-временному континууму произведения признаки перцепции. Темпоральное время замедляется или ускоряется, проявляется неоднозначно, дискретно. Под темпоральностью понимается «функционально-семантическая категория, выражающая сущность физического и философского аспектов времени, реализуемая различными языковыми средствами репрезентации времени: совокупностью грамматических, лексических и комбинированных средств, то есть категория темпоральности представляет собой целостную систему лексических, морфологических, синтаксических маркеров» [5].

Сергей Козлов – автор многих замечательных сказок, не похожих ни на чьи-либо другие и в то же время перекликающихся с русскими народными сказками, и с авторскими сказочными произведениями, например, с приключениями медвежонка Винни-Пуха и его друзей английского писателя Алана Александра Милна. Сказки Сергея Козлова о Ёжике, Медвежонке и Зайце, сказки о Поющем Поросёнке, о Львёнке и Черепахе давно стали настоящей классикой точно так же, как и мультфильмы, снятые по сюжетам этих сказочных произведений.

Сведения об истории создания сказок весьма скупы. По словам Козлова, сначала появился самый главный персонаж – Ёжик, затем – Медвежонок, Заяц и все остальные. Как они появились – тайна творчества. Существует версия, что автор однажды во время похода за грибами нашёл маленького ёжика, подобрал его, принёс домой и написал сказку. Сам же писатель опровергал эту версию, утверждая, что он никогда не знал заранее, как и когда начнётся сказка: её соз-

дание начиналось всегда внезапно. Импульсом для неё могло стать любое событие.

Одна из самых известных сказок цикла «Ёжик в тумане» была написана в 1967 г. При этом известно, что образ Медвежонка возник позже, уже в сценарии мультфильма, в первоначальном варианте сказки его не было. Для съёмок мультипликационного фильма Сергей Козлов значительно дополнил уже написанную сказочную историю, добавил новых персонажей – Собаку, Филина и т. д. Результат превзошёл все ожидания: мультфильм собрал множество наград, а в 2003 г. его объявили в Японии лучшим мультфильмом всех времён и народов.

Важно, что «Ёжик в тумане» открывает цикл сказок о Ёжике и Медвежонке. Благодаря особой интонации и семантической глубине авторского дискурса возникает ощущение присутствия другого измерения, где не действуют законы нашей будничной повседневности, где герои живут в гармонии со стихиями природы, окрылённо, вдохновенно.

Неслучайно читатель вместе с главным персонажем в этой сказочной истории попадает в туманную атмосферу. Туман представлен как мифопоэтический образ таинственного пространства, в котором можно лишь угадать черты местности или присутствия кого-либо. Архитектоника образов луны, горы и реки добавляет картине ощущение созерцательности и таинственности. Мир природы одушевлён: луна обходит подвластные ей владения, снисходительно улыбаясь земной суете. Река вторит луне, поскольку в своих водах отражает её сияние. Горы же тянутся к вершине мироздания, к небу, к Богу, но при этом навечно связаны с земным бытием. Ёжик находится во власти небесного ночного светила и земных монументальных природных явлений, которые вкупе с туманом, поглощающим всё окружающее Ёжика, напоминают мифическую реку Лету, реку Забвения, способную поглотить в себе не только материальные предметы, но и ментальные, такие как память, чувства, ощущения. Так и Ёжик теряет чувство реальности, происходящее обретает черты сновидения: «Как красиво! Не снится ли это? Расскажу – не поверят» [6, с. 2]. Любознательность героя заставляет его двигаться в тумане: он ищет лошадь, которую поглотил белый мрак: «Ин-

тересно, а лошадь не захлебнётся туманом?» [6, с. 2]. Словно слепой, через тактильные ощущения Ёжик понимает, что попадает в реку: «Пускай река сама несёт меня!». Это побудительное высказывание приобретает сказочные интонации, поскольку река становится символом мудрости, знания, движения – ей виднее, что нужно Ёжику, она подобна персонажам-помощникам народных сказок.

В сказке Козлова «Ёжик в тумане» пространство огромно, но невидимо, время бесконечно, и в то же время определено заявленной в начале сказочного повествования Луной. Во время путешествия Ёжика по реке в тумане его касаются не видимые ему существа. Именно существа, поскольку герой не может их идентифицировать, но по номинативным включениям автора мы можем предположить, кто это. «Кто-то дотронулся до его задней лапы. «Извините, кто вы? – «Садитесь ко мне на спину, я отвезу вас на берег». – Ёжик сел на скользкую узкую спину» [6, с. 4]. Признаки рыбы, предложившей помощь Ёжику, очевидны, но в то же время в воде все предметы скользкие, поэтому другом Ёжика могло оказаться любое существо, ведомое нам или даже нет. Тайны остаются нераскрытыми, жизнь – вечная загадка. Установка на мистическую бездонность мира перекликается с бездонностью символики архетипических образов мифов и топикки народных сказок.

В сказке-серии «Когда ты прячешь солнце, мне грустно» вновь фигурирует образ тумана, который приобретает черты сакральности и заставляет героев погружаться в мир бесконечно изменчивого прекрасного: «Было очень красиво, так красиво, что Ёжик с Медвежонком просто глядели и ничего не говорили друг другу. А гора всё время менялась: оранжевое переместилось влево, розовое – вправо, а голубое стало сизо-синим и осталось вверху. Ёжик с Медвежонком давно любили эту игру: закрывать глаза, а когда откроешь – всё по-другому. Туманная, очень красивая гора глядела на Ёжика с Медвежонком. И вдруг, или это Ёжику с Медвежонком показалось, кто-то заговорил: «Вам нравится на меня смотреть?» – «Да», – сказал Ёжик» [6, с. 7]. Можно предположить, что образ Ёжика соотносим с образом «природного жреца», который чутко понимает природные

явления и поддерживает их священный статус. Более того, Ёжик становится своеобразным проводником между героями сказки и собственно мифологическим сознанием, мифом. О.М. Фрейденберг даёт такое определение жреца: «Отделённый от понятий тотема и божества, древний жрец не оказывал на общину нравственного воздействия, не проносил проповедей, нравственно не воспитывал людей. Он был только высококвалифицированным специалистом по знанию всего ритуала, относившегося до божества, до религиозного культа во всём его объёме» [7, с. 45]. Так и Ёжик, наделённый особой чуткостью ко всему природному, «проводит» в мир природы своих друзей. При этом природное пространство имеет черты импрессионистичности, поскольку каждое мгновение в жизни сказочных героев открывает новый облик внешнего мира.

Ёжик приучает своих друзей почувствовать прелесть ежедневных восходов и заходов солнца, движения ветра, капель дождя, цветения растений, умирания природы осенью и снежного безмолвия зимой. Сама смерть для Ёжика не является категорией конца, завершённости жизни: подобно посвящённому, жрецу он воспринимает смерть (прежде всего, в природных явлениях) как понятие необходимое, но временное. Он учится сам и учит такому её пониманию своих друзей, героев сказки, выражая архаическое представление о смене времён года как категорий умирания и последующего возрождения. Ослик перенимает созерцательное восприятие мира от Ёжика и, например, в сказке «Правда, мы будем всегда?» много думает, размышляет: «Неужели все так быстро кончается? – <...> – Неужели кончится лето, умрёт Медвежонок и наступит зима? Почему это не может быть вечно: я, лето и Медвежонок?» [6, с. 23]. «Лето умрёт раньше всех, – горестно размышляет Ослик, – лето уже умирает. Лето во что-то верит, поэтому умирает так смело. Лету нисколько себя не жаль – оно что-то знает. Оно знает, что оно будет снова! Оно умрёт совсем ненадолго, а потом снова родится. И снова умрёт. Оно привыкло. Хорошо, если бы я привык умирать и рождаться. Как это грустно и как весело!..» [6, с. 23]. Но Ослик парирует: «Лету нисколько себя не жаль – оно что-то знает»

[6, с. 24]. В этом фрагменте ярко представлен приём антропоморфизма, очеловечивающий лето и наделяющий его способностью ощущать пределы своей «жизни».

Этот характерный для древнего архетипического мировосприятия принцип направлен на передачу человеку онтологических знаний: о смерти как вратах, о последующем рождении. Архаическое сознание направлено на веру в то, что ничего безвозвратного нет. В работе «Поэтика сюжета и жанра» филолог-классик О.М. Фрейденберг утверждает: «Образ рождающей смерти вызывает образ круговорота, в котором то, что погибает, вновь нарождается; рождение, да и смерть, служат формами вечной жизни, бессмертия, возврата из нового состояния в старое и из старого в новое. Смерти, как чего-то безвозвратного, нет. «Умереть» значит на языке архаических метафор «родить» и «ожить», а «ожить» – умереть (умертвить) и родить (родиться)» [7, с. 67]. Образ лета, таким образом, становится символом круговорота жизни, не имеющего ни начала, ни конца, что, в свою очередь, определяет возможность преодоления «конечной» точки бытия и утверждения вечной жизни.

В сказке-зарисовке «Разрешите с вами посумерничать» (1968) представлена ещё одна форма мифомышления – космогония, направленная на принятие этого мира человеком в его синкретизме через отождествление микро- и макрокосм. В этой сказке Ёжик с Межежонком откликнулись на просьбу Зайца проводить вечернее время вместе, но это не простое время, как и заранее предполагал Заяц, – оно называется «сумерничать вместе»: «Я как узнал, что вы сумерничаете, я стал прибегать к твоему, Ёжик, дому и глядеть во-он из-под того куста. Во, думаю, как красиво они сумерничают! Вот бы и мне! И побежал домой, и стащил с чердака старое кресло, сел и сижу...» [6, с. 11]. Время «сумерничания» приоткрывает завесу над сокровенным поэтическим началом космоса, но доступ этот становится возможным через определённый ритуал, во время которого в мире уравниваются законы Космоса и Хаоса.

Главным условием ритуала, сакральным ключом, позволяющим проникнуть в тайны Вселенной, становится молчание. Как мы видим, способностью молчать обладает да-

леко не каждый: «Я в первый раз сумерничаю, сказал Заяц, поэтому не знаю правил. Вы не сердитесь на меня, ладно? – Мы не сердимся, – сказал Ёжик» [6, с. 11]. Но в желанный момент тишины грусть героев развевалась, и наступило долгожданное соединение с миром и единение друг с другом: «Стало совсем темно, и над самыми верхушками ёлок показалась золотая долька луны. От этого Ёжику с Медвежонок вдруг стало на миг теплее. Они поглядели друг на друга, и каждый почувствовал в темноте, как они друг другу улыбнулись» [6, с. 12]. Умение слушать и слышать, молчать и думать становятся семантическими условиями понимания смысла жизни и связи с миром, способности за временным почувствовать дыхание вечности.

В главе «Лисичка» (1969) грусть Медвежонок аналогична детской грусти, появляющейся в момент осознания ребёнком конечности жизни, присутствия в ней смерти и потери: «Не хочу! Не хочу, слышишь? – Чего ты не хочешь? – Чтобы всё уходило, улетало! – крикнул Медвежонок» [6, с. 18]. На примере сказочных героев ребёнок видит горе, наблюдает за печальной стороной жизни, но и понимает, что печаль – это не безысходность, а жизненная необходимость, реальность, и она, в конце концов, конечна: «Успокойся, что ты! – Ёжик погладил Медвежонок лапой. – Завтра снова будет солнце, и снова будут лететь листья, и улетать птицы. – Улетать, – всхлипнул Медвежонок. И разревелся ещё пуще. – Но они прилетят, сказал Ёжик. Они вернуться. Пройдёт зима, снег растает, и они вернуться. – Зима. Медвежонок горько плакал и весь вздрагивал. – Ну да, зима. Но она пройдёт, и всё будет снова» [6, с. 18].

В сказках Козлова астральные категории в образах луны, звёзд, неба раскрывают связь с бесконечным космическим пространством. В главе «Как Ёжик с Медвежонок протирали звёзды» небесно-земное пространство становится единым. Происходит мифологическое овеществление астрального мира. «Ведь если бы Ёжик не придумал чистить звёзды, их бы давно уже никто не видел. Вон какая пыльная!..» – И он дунул на звезду и потёр тряпочкой... Медвежонок очень старался, но у него не всегда получалось, как у Ёжика. И если с неба падала звезда, все в лесу знали, что это её нечаянно столкнул Мед-

вежонок» [6, с. 76]. В этом фрагменте представлено символическое преодоление земной укорененности: реальные границы становятся условными, даже мнимыми, а главенствующая роль отводится уму и воображению – свойствам бессмертной души, для которой нет земных преград.

Лейтмотивом сказочного цикла является мотив красоты внешнего мира, мира природы, герои часто плачут от восторга перед прекрасным, которое также предстаёт как ипостась божественного начала. Неслучайно в тексте сказки «Лунная дорожка» возникает евангельская реминисценция. Сюжет сказки явно перекликается с сюжетом хождения апостола Петра по водам «яко по суху». Медвежонок, Ёжик и Заяц, привязав к ногам дощечки, идут по речной лунной дорожке также – «яко по суху». Это сверхъестественное действие оказалось возможно только по глубокой вере в возможность чуда. Маловерный Заяц, подобно усомнившемуся Петру, который начал утопать, утратил нерушимость веры и знает, что не сможет перейти реку вновь: «Медвежонок шёл прямо к середине реки, не проваливаясь, и Ёжик спрыгнул с берега, побежал следом и тоже не провалился, а Заяц не знал, как ему быть, но всё же спрыгнул, и тоже побежал, и догнал Ёжика с Медвежонок. Они шли по лунной дорожке к середине реки, и Заяц боялся смотреть на свои дощечки; он чувствовал, что не может так быть, что ещё шаг, и он обязательно провалится, и потому Заяц шёл, задрал голову и глядя на луну» [6, с. 23]. В подобном эпизоде проявляется приём трансцендирования – «это превосхождение индивидом самого себя, что требует от личности самоотдачи, напряжения всех сил. В обыденной же жизни индивиды называют счастьем покой и наименьшую затрату сил» [8]. Персоналистский универсум, проявленный в сказках Сергея Козлова через трансцендирование, позволяет продемонстрировать духовную силу сказочных персонажей, восходящую к первоисточнику всего бытия.

За дивными картинами природы, временными календарными ритмами притаились бесконечность и вечность. В сказке «Правда, мы будем всегда?» героев волнует вопрос о вечной жизни, о невозможности смерти как конца всего. Трансцендентный

подтекст особенно очевиден в главе «Кто всё это придумал?», в которой Ёжик настойчиво повторяет мысль о Творце всего сущего, как бы увлекая за собой читателя «Ой-ёй-ёй, как же красиво! – не отрывая взгляда от горы, думал Ёжик. – Кто же придумал эту всю красоту?», «Кто же это всё придумал? – доискивался он. – Кто? Как? Когда? Почему я гляжу и всё не могу наглядеться?», «– На санках? – сказал Ёжик, про себя думая: «Кто же этот невидимый, необыкновенный, кто так постарался, что вышла такая красота?» [6, с. 78].

Таким образом, сказки Сергея Козлова, представляющие собой авторский дискурс, воплощают представления о вселенской Любви, которая придаёт абсолютную ценность конкретной, пускай и конечной жизни человека и всех земных тварей. Сказочные сюжеты позволяют преодолеть прагматизм, личностный эгоизм, одиночество через установку «на подлинные ценности человеческого бытия: свободу, любовь, красоту, творчество, единство человека с природой, другим человеком и самим собой» [8].

Пространственно-временной континуум сказочного мира Сергея Козлова мифологически расширен до вечного и бесконечного. Населяющие чудесное пространство леса антропоморфные персонажи в литературном мифе писателя, сохраняя архетипические черты неуклюжей простоватости (Медвежонк), хищности (Волк), беззащитности (Заяц) и т. п., обретают в сказках о Ёжике и Медвежонке особые свойства, далеко выходящие за рамки фольклорных стереотипов. Это не имеющие границ воображение и фантазия, способность созерцания прекрасного, восхождения мысли к вечным философским проблемам жизни и смерти, высшего смысла бытия. И именно Ёжик как главный герой и носитель этих качеств часто даёт оценку конечности – бесконечности времени, цикличности его, неизменной смены смертей и рождений и выражает веру в переход каждого живого существа из относительного земного мира в непостижимый иной мир. Он, как и другие персонажи, преодолевает реальное пространство и время с помощью воображения. Темпоральность сказочного цикла обусловлена переключением от бытовой конкретики к масштабу безграничного универсума. Эффект остановившегося времени возникает

как раз в момент такого переключения. Вне времени герои оказываются и в стихии фантазии, которая то и дело обуревают их.

Пространство леса, места обитания героев, часто конкретизировано, имеет реальные приметы (ручьи, пни и т. д.), и в то же время это волшебное пространство, которое преодолевается с помощью фантазии: мановением ума герои оказываются в Африке, Китае, Индии и в любом другом экзотическом пространстве. Традиционно лес враждебен герою, в авторском дискурсе Козлова лес – вмещает необыкновенной красоты, запечатленное таинственной печатью Творца. При этом в сочинениях Козлова просматриваются звенья волшебного-фантастического сказки: в главе «Снежный цветок» герой ищет заветный цветок всеобщего счастья, появляется примета волшебного мира – Незамерзающий Ключ, реальное пространство превращается в фантастическое. Однако в отличие, например, от героев «Аленького цветочка», персонажи Козлова не обретают этот цветок, счастье ускользает от них. В земном мире невозможно всеобщее счастье.

Пространство сказочного мира вмещает в себя и астральные образы солнца, луны, звёзд, которые мифологически приближены к земле и овеществлены. В то же время в главе «Весёлая сказка» небо как бы смешивается с землёй: луна спустилась совсем низко, а звёзды сначала звенят на ушах Ослика, потом стелются по земле и звенят под его копытцами. Расстояние между небом и землёй исчезает: всё в земном мире, в том числе и расстояния, оказывается условным, а следовательно, и конечным. Недаром Ослик настойчиво поёт песенку о своей смерти, когда его уши «прорастут из земли», поскольку условен и он в своей земной ипостаси.

Поэтика мифа, архетипическая образность, художественные компоненты волшебного-фантастических сказок, трансформированные в литературном мифе Сергея Козлова, позволяют писателю через пространственно-временной континуум проникнуть в сокровенный мир детской души и в то же время поставить перед взрослым читателем важнейшие религиозно-философские онтологические и гносеологические проблемы существования человека и божественного промысла в мире.

Список литературы

1. Буслаев Ф.И. Славянские сказки // Буслаев Ф.И. Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 110-116.
2. Азадовский М.К. История русской фольклористики: в 2 т. Т. 1. М., 1958. 479 с.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
4. Катасонов В.Н., Бернштейн В.С. Континуум // Гуманитарный портал: Концепты / Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 (последняя редакция: 03.01.2021). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7044> (дата обращения: 08.01.2021).
5. Огнева Е.А. Темпоральная когнитивная сетка художественного текста: тенденции кроссрусской адаптации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=9354> (дата обращения: 05.01.2021).
6. Козлов С.Г. Ёжик в тумане. М.: Малыш, 2019. 96 с.
7. Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Изд-во «Лабиринт», 1997. 445 с.
8. Халуторных О.Н. Волшебная литературная сказка как феномен культуры: Социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1998. 20 с.

References

1. Buslayev F.I. Slavyanskiye skazki [Slavic tales]. In: Buslayev F.I. *Russkaya narodnaya poeziya* [Russian Folk Poetry]. St. Petersburg, 1861, pp. 110-116. (In Russian).
2. Azadovskiy M.K. *Istoriya russkoy fol'kloristiki: v 2 t. T. 1* [History of Russian Folklore: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, 1958, 479 p. (In Russian).
3. Meletinskiy E.M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 407 p. (In Russian).
4. Katasonov V.N., Bernshteyn V.S. Kontinuum [Continuum]. *Gumanitarnyy portal: Kontsepty* [Humanitarian Portal: Concepts]. Centre for Human Technologies Publ., 2002–2021 (last edit: 03.01.2021). (In Russian). Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7044> (accessed 08.01.2021).
5. Ogneva E.A. Temporal'naya kognitivnaya setka khudozhestvennogo teksta: tendentsii krossrusskoy adaptatsii [The temporal cognitive matrix of fiction: tendencies of cross-cultural adaptation]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 3. (In Russian). Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=9354> (accessed 05.01.2021).
6. Kozlov S.G. *Ezhik v tumane* [Hedgehog in the Fog]. Moscow, Malysh Publ., 2019, 96 p. (In Russian).
7. Freydenberg O.M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of Plot and Genre]. Moscow, Labirint Publ., 1997, 445 p. (In Russian).
8. Khalutornykh O.N. *Volshebnyaya literaturnaya skazka kak fenomen kul'tury: Sotsial'no-filosofskiy analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Magic Literary Tale as a Cultural Phenomenon: Socio-Philosophical Analysis. Cand. philos. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1998, 20 p. (In Russian).

Информация об авторах

Елепова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, m.elepova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7229-5851>

Вклад в статью: идея и дизайн исследования, научное консультирование, набор первичного материала, обработка и редактирование материала, написание части текста, редактирование текста статьи, окончательное одобрение рукописи.

Information about the authors

Marina Y. Elepova, Doctor of Philology, Professor of Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, m.elepova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7229-5851>

Contribution: study idea and design, scientific consulting, source material acquisition, material processing and editing, part manuscript text drafting, manuscript text editing, final manuscript approval.

Кабанова Наталья Григорьевна, аспирант, кафедры литературы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, nataliakabanova30@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8624-3481>

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, работа с литературными источниками, анализ художественного текста, написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.02.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 16.04.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Natalia G. Kabanova, Post-Graduate Student, Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, nataliakabanova30@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8624-3481>

Contribution: literature search and analysis, work with literature references, literary text analysis, manuscript text drafting.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.02.2021
Approved after reviewing and revision 16.04.2021
Accepted for publication 22.04.2021